

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-7-61-68

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2025 г.

ПОДОЛЬСКИЙ Георгий Васильевич,

магистр юриспруденции,

выпускник Юридического факультета Финансового университета

при Правительстве Российской Федерации,

e-mail: gvpodolskii@yandex.ru

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. Настоящая статья открывает цикл статей автора по антикоррупционной проблематике и представляет собой системное исследование и комплексный анализ генезиса коррупционных проявлений, включая институциональные предпосылки и социально-экономические детерминанты, обуславливающие устойчивость девиантных практик в системе государственного управления и общественных отношениях.

В статье автором предпринята попытка комплексного изучения и научного осмысления коррупции как явления с социально-правовой природой, изучения онтологии коррупции. Особое внимание уделено существующим в догме и доктрине подходам к определению коррупции, на основе результатов анализа которых предложено доктринальное определение коррупции.

Актуальность представленной к исследованию темы обусловлена пагубным влиянием коррупции на сферы общественной жизни. Коррупция подрывает доверие к институтам власти, искажает конкуренцию, замедляет развитие общества и создаёт неравенство, превращая публичные ресурсы в инструмент обслуживания частных интересов.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, противодействие коррупции.

PODOLSKIY Georgiy Vasilevich,

Master of Law, graduate of the Faculty of Law Financial University

under the Government of the Russian Federation

CORRUPTION AS A SOCIAL AND LEGAL PHENOMENON

Annotation. This article opens the author's series of articles on anti-corruption issues and is a systematic study and comprehensive analysis of the genesis of corruption manifestations, including institutional prerequisites and socio-economic determinants that determine the sustainability of deviant practices in the public administration system and public relations.

In the article, the author attempted a comprehensive study and scientific understanding of corruption as a phenomenon with a socio-legal nature, the study of the ontology of corruption. Particular attention is paid to the approaches to the definition of corruption existing in dogma and doctrine, on the basis of the results of which a doctrinal definition of corruption was proposed.

The relevance of the topic presented for the study is due to the detrimental effect of corruption on the spheres of public life. Corruption undermines trust in institutions, distorts competition, slows down society, and creates inequality by turning public resources into a tool to serve private interests.

Key words: corruption, anti-corruption policy, anti-corruption.

В настоящее время в сложившихся и динамично развивающихся социально-экономических и политических условиях коррупция, приобретая универсальный и транснациональный (межгосударственный) характер, является серьезным вызовом для всего мирового сообщества. Темпы охвата коррупцией сфер экономики и государственного управления предопределяют потребность всех стран в реали-

зации эффективной государственной антикоррупционной политики, предполагающей формирование и внедрение механизмов противодействия коррупции.

Российская Федерация, формируя государственную антикоррупционную политику, ориентируется, прежде всего, на международный опыт и эффективные зарубежные модели и технологии противодействия коррупции. В основе указанной

политики задача по системному укреплению правопорядка и законности, сохранению и укреплению конституционного строя России, установлению и сохранению доверия к реализуемым механизмам государственного управления, в целом к власти и сохранение ее нравственной репутации.

Основной механизм антикоррупционной политики – издание отраслевых нормативных правовых актов, оценка эффективности применения которых осуществляется исходя из достижения первоочередной цели – искоренение причин и условий, детерминирующих коррупцию в России.

При этом, как справедливо отмечается профессором Т.Я. Хабриевой, достижение цели по противодействию коррупции не должно осуществляться исключительно посредством «придания юридической силы политически мотивированным решениям и формирования практики их применения» [11, с. 7].

В целом представляется ошибочным подход, предполагающий исключительную юридикацию общественных отношений, определяющих ту или иную проблему [5, с. 17-18, 22, 35]. Учитывая сложившийся характер коррупции, универсальность и фактически безусловность форм ее проявления, подходы (конкретные решения) к противодействию коррупции, искоренению причин и условий, детерминирующих ее проявление, должны обосновываться в том числе посредством использования имеющегося у Российской Федерации научного потенциала. Представляются невозможными выработка государственной антикоррупционной политики, развитие законодательства в соответствующей сфере, формулирование конкретных предложений по его совершенствованию вне научно-теоретического осмысления проблемы (ее «корня»), прогнозирования и обоснования потенциального развития правового регулирования, законотворческой и правоприменительной практики.

Актуальность научного освоения коррупции, наряду с изложенным, детерминируется «глубокой», прежде всего, социальной природой данного явления, до сих пор не нашедшей должного освещения и изучения в научно-исследовательских работах междисциплинарного характера. Указанное обстоятельство является исторически обусловленным, при этом его оправдание в настоящее время представляется некорректным и, более того, неэффективным в рамках работы по достижению цели устранения первопричин и условий существования коррупции.

В правовой доктрине тема коррупции достаточно длительный период освещалась в большей степени с позиции отрасли уголовного права – соответствующее явление рассматривалось в

рамках уголовно-правовой квалификации взяточничества. Данный подход, сохранив свои истоки в эпоху развития советской юридической науки, остается преобладающим и в настоящее время.

При этом стоит отметить, что на этапе формирования первых научных исследований на тему коррупции преимущественно применялся криминологический подход, предполагающий изучение коррупции не только с правовой точки зрения, но и с социальной и психологической точек зрения, однако, такой подход не нашел массовой поддержки среди ученых-юристов, пришедших к выводу о необходимости расширения уголовно-правового аспекта при определении коррупции как явления [6, с. 15].

В настоящее время большая часть исследований на тему коррупции также обращена к уголовно-правовому аспекту данного явления – объектом научного познания становятся общественные отношения, возникающие в связи с совершением уголовно наказуемых деяний, формирующих категорию «коррупционные преступления». Указанное обстоятельство долгие годы ограничивает процесс выработки результативной антикоррупционной политики, не позволяет сконцентрировать имеющиеся у государства ограниченные ресурсы, приводит к росту инфляционных ожиданий в обществе от применения в борьбе с коррупцией карательных (уголовно-правовых) методов.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным предпринять попытку рассмотрения коррупции как явления с социально-правовой природой.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов в области исследования коррупции является проблема дефиниции данного феномена.

Термин «коррупция» имеет латинские корни, восходящие к слову «*corrupture*», что в контексте римского права обозначало действия, направленные на подрыв судебного процесса или системы государственного управления. Указанное определение, хотя и является базовым, не охватывает всей многоаспектности и сложности данного явления, что вызывает необходимость более глубокого и многомерного анализа коррупции в современном контексте.

На бытовом уровне понимание коррупции, как правило, сводится к взяточничеству (получению взятки), злоупотреблению «чиновниками» должностным статусом (полномочиями) в целях «установления» преимущественного положения для заинтересованных лиц и организаций с последующим получением личной выгоды.

В современной догме и доктрине представление о коррупции всеобъемлюще и многообразно. Предлагаемые законодателями и учеными

понятия рассматриваемого явления условно можно дифференцировать на две группы, раскрывающие его как в узком (формально-юридическом), так и в широком смысле.

В первом случае коррупция определяется посредством установления в дефинитивных нормах права совокупности конкретных состав правонарушений, предусмотренных законодательством. Отличительным (квалифицирующим) признаком таких составов, как правило, является специальный субъект – должностное лицо, использующее свой публичный статус в личных целях корыстной направленности.

Легально определить рассматриваемое понятие достаточно сложно, принимая во внимание, что коррупция не ограничивается отдельным асоциальным (аморальным) актом или противоправным деянием [8, с. 15], и при регулировании соответствующих вопросов от законодателя фактически требуется минимизация ограничения многосторонности природы коррупции как явления, а также недопущение сведения коррупции к проблеме, носящей исключительно юридический и управленческий характер.

Российским законодателем избран именно формальный подход к определению коррупции и раскрытию ее содержания. В частности, статьей 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) закреплена соответствующая дефинитивная норма, определяющая коррупцию посредством перечисления ряда деяний, составляющих должностную преступность.

Исходя из анализа законодательно закреплённого определения коррупции усматривается то, что в настоящее время государством, как и прежде, в определении коррупции и, следовательно, содержании государственной антикоррупционной политики, в большей степени усматривается уголовно-правовой аспект.

Федеральный законодатель, раскрывая коррупцию посредством конкретных должностных преступлений, как справедливо отмечает Е.И. Спектор, не упоминает о других правонарушениях, которые *de jure* не являются коррупционными, однако их можно причислить к правонарушениям «второстепенного» свойства – создающим благоприятную обстановку и условия для совершения правонарушений коррупционного характера [9, с. 40 – 46]. Следует учитывать, что положениями Федерального закона № 273-ФЗ поднимается вопрос о необходимости привлечения лиц к юридической ответственности за совершение таких правонарушений (статья 14). «Второстепенные» правонарушения (т.е. правонарушения, создающие «благоприятные» условия для

коррупционного поведения), на наш взгляд, являются неотъемлемой частью сложившейся системы коррупционного поведения.

Справедливы по этому поводу позиции и ряда других ученых, например,

Р.В. Закомолдина, указывающего на неверность понимания коррупции исключительно как совершение преступлений коррупционной направленности [4, с. 2 – 6]. Встречающееся в правовой доктрине ограничение коррупции соответствующими составами преступлений одновременно противоречит существующим реалиям коррупционной практики.

Используемая в законодательстве Российской Федерации формулировка понятия «коррупция» отдельными специалистами в целом не признается в полной мере эффективной и удачной – с юридико-технической точки зрения «наиболее правильным представляется раскрытие понятия «коррупция» через совокупность всех или наиболее значимых признаков» [1, с. 8].

Одновременно со сказанным, на наш взгляд, предусмотренное Федеральным законом № 273-ФЗ определение коррупции, неоправданно ограничивается государственным и окологосударственным сектором, определяя в правовой взаимосвязи с иными законодательными актами Российской Федерации (в том числе с УК РФ) сферу совершения соответствующих деяний и их субъектов – публичное управление, включая сферу деятельности организаций, наделенных нормативными правовыми актами отдельными государственными функциями (полномочиями). Вместе с тем следует учитывать, что коррупция активно проявляется и в частном секторе.

Кроме того, рассматриваемое определение, по мнению ученых, представляется «более чем избыточным», перегруженным терминологией, не придающей дефиниции существенности [10, с. 67 – 70]. Однако, несмотря на это, в сформулированном понятии не учтено, что помимо экономических и имущественных интересов, преследуемых лицами, совершающими коррупционные правонарушения (т.е. в основе которых корыстный мотив), коррупция может выступать в качестве средства достижения политических, социальных, правовых и иных интересов.

В этой связи представляется целесообразным определить в качестве самостоятельного интереса коррупционного поведения – получение нематериальных благ. Подобный подход, к примеру, применяется в законодательстве Португалии, причисляющим к характерным признакам коррупции получение в том числе неосозаемых (неовещественных) преимуществ и благ.

Юридической науке также присуще рассматривать коррупцию с позиции узкого подхода. В

частности, М. Вебер в разработанной функциональной теории коррупции отождествляет последнюю с наиболее типичными формами ее проявления – получение взяток. Ряд других исследователей в рамках данного подхода пишет о коррупции как о явлении с социальным свойством, характеризующимся «продажностью» государственных служащих, корыстным использованием должностного положения соответствующими субъектами отношений, «злоупотреблением» авторитетом власти.

Сформулированные учеными-юристами (-социологами) подходы в рамках узкого понимания коррупции в целом представляются корректными, однако, для полного понимания природы исследуемого явления ограничение содержания коррупции и форм ее проявления (в том числе отдельными составами, действиями и характеристиками) неоправданно.

Наиболее продуктивным для изучения природы коррупции как явления и эффективным для выработки системной антикоррупционной государственной политики представляется широкий подход к пониманию коррупции.

Коррупция является многогранным социальным феноменом, оказывающим влияние на все сферы функционирования государства и общества. Это явление охватывает политические институты, включая государственное управление, экономические отношения, бюджетные процессы, частный сектор, а также правоохранительную и судебную системы. Коррупция также затрагивает гражданское общество. Она проявляется в преднамеренном использовании служебного положения и авторитета, связанного с определенным правовым статусом, для достижения личных или групповых интересов. Такие действия подрывают доверие к государственным институтам и нарушают принципы справедливости и законности.

Указанный подход поддерживается большинством западноевропейских государств, чьи правовые системы во многом подвержены значительному влиянию правовой доктрины. В частности, в Германии коррупцией считается любое корыстное злоупотребление «государственными мужами» служебным положением. При этом сферой государственного управления коррупция в понимании немецкого законодателя не ограничивается.

В научной литературе коррупция традиционно рассматривается как деструктивное социальное явление, не вписывающееся в рамки моральных, правовых, политических, экономических и институциональных основ функционирования общества.

Социальное происхождение и структура коррупции обусловлены множеством факторов, вклю-

чая различную степень коррумпированности должностных лиц, восприятие коррупционных действий как значимой социальной проблемы, реакцию государственных и общественных институтов на проявления коррупции, а также криминализацию отдельных форм коррупционного поведения.

В настоящее время с учетом постоянно меняющихся социально-экономических условий коррупция приобретает все более институционализированный характер, детерминированный политическими, экономическими, культурными факторами и заключающийся в формировании регулярных и системных практик коррупционного поведения, поддерживаемых социальными нормами [11, с. 10].

Институционализация коррупционного поведения, на наш взгляд, является неизбежным процессом, о чем, в том числе, свидетельствует укрупнение сложившихся административных связей и формирование новых, стремление общества к ускорению и упрощению административно-управленческих процедур.

Об институционализации коррупционных процессов писали С. Хантингтон, Я. Тарковски, отмечая преступно-негативную сущность коррупции, препятствующую поступательному развитию государства и общества [12, с. 587 – 589]. Именно теория институционального понимания коррупции выступила в противовес функциональной теории коррупции (М. Вебер, Г. Мюрдаль и др.), о которой упоминалось ранее.

Учитывая, что функциональная теория заключается в усмотрении в коррупции механизма, преследующего исключительно прагматические интересы радикального (порой антиконституционного) преодоления существующих в правовой и политической системе государства противоречий, сложившихся в процессе их динамичного развития (когда правовая система не всегда успевала за развитием новых форм управления государством и обществом), институциональная теория, на наш взгляд, представляется в наибольшей степени отвечающей социальным, моральным и этическим критериям и принципам, необходимым для построения наиболее эффективной и корректной по содержанию государственной антикоррупционной политики в условиях должного обеспечения конституционной законности и правопорядка.

Анализируя изложенное, представляется возможным определить коррупцию в качестве институционально устоявшейся системы общественных отношений, отражающих происходящие в обществе структурные изменения вне их правовой модели (вопреки установленным правовым формам таких отношений). Формирование в госу-

дарстве и обществе активных коррупционных процессов создает серьезную угрозу легитимности действующего государственного строя и политической власти, неизбежно влекущей создание труднопреодолимых препятствий на пути к суверенному социально-экономическому прогрессу.

Одной из универсальной и привлекательной для научного осмысления моделей понимания коррупции является бихевиористская модель, глобально раскрывающая рассматриваемое нами явление с позиции социально-экономических, политических, правовых и повседневно-бытовых условий формирования коррупционного поведения.

Так, представителями указанной теории коррупция рассматривается глобально – как осуществляемое в целях получения личных преимуществ материального и (или) нематериального свойства злоупотребление должностным положением (статусом должностного лица) и возникающими в силу такого положения властными полномочиями, а равно незаконное управление и распоряжение вверенными ресурсами (изначально принадлежащими государству и обществу) [3, с. 21 – 39].

М. Джонстоном наряду с бихевиористской моделью коррупции рассматривалась также принципал-агентская модель, отражающая суть коррупции посредством своеобразных договорных отношений между принципалом (доверителем) и агентом-исполнителем, в рамках которых принципал, выступая фактически в качестве заказчика, формирует задание для агента и передает для его реализации необходимые ресурсы. Указанная модель предполагает построение отношений между субъектами коррупционного поведения по принципу «агент-клиент» и концентрирует внимание на анализе внутреннего взаимодействия забюрократизированного государственного аппарата и частного сектора [3, с. 21 – 39].

Указанная модель понимания коррупции, на наш взгляд, фактически предлагает рассматривать исследуемое явление с позиции экономической отрасли как «продукт» ее рыночных устоев и принципов – особая форма институциональных взаимодействий, генерируемая процессами коммодификации социальных практик, когда рыночные регуляторы замещают изначально внеэкономические модели координации общественных субъектов [2, с. 136 – 140].

Коррупция представляет собой своеобразный экономический институт продажи, предметом которой выступают должностные полномочия, используемые для получения частной выгоды.

Формируя систему отношений, коррупция наносит значительный вред экономическому развитию государства, поскольку существование тех или иных форм проявления коррупции в эконо-

мике неизбежно влечет к подрыву конституционных устоев экономического строя – формируется нелегитимная теневая экономика, снижается инвестиционная привлекательность экономики, стимулируются инфляционные процессы. В экономическом смысле коррупция может рассматриваться в качестве антиконституционного (антигосударственного) механизма отчуждения публичной собственности, в том числе национальных богатств, принадлежащих обществу и государству, гражданам и бизнесу.

В качестве основных последствий коррупционного поведения экономическая наука отмечает следующие: формирование и последующее стимулирование теневого сектора экономики, сокращение в бюджетах бюджетных систем государств объемов налоговых доходов, неэффективное распределение бюджетных ресурсов и иных ресурсов государственной казны, стимулирование роста цен на товары, работы, услуги при одновременном снижении их качества, осуществление предпринимательской деятельности через оффшорные зоны и многое другое.

В основе экономического понимания коррупции – коррупционные сделки, совершаемые посредством откатов, нарушения установленных порядков совершения сделок (например, незаконная приватизация), а также необоснованное предоставление преференций и льгот. Противостоять таким сделкам достаточно сложно, учитывая, что субъекты их совершающие, как правило, формально являются представителями иностранных юрисдикций, работающих на капиталы других государств и использующих иностранные средства защиты (в т.ч. судебные юрисдикции других государств). В конечном счете коррупция приводит к формированию в обществе олигархического слоя, а также активно формирует процессы по оффшоризации национальных экономик – установлению значительного влияния иностранного капитала на экономическое развитие государства и общества, ограничивая экономический суверенитет государств.

Социальная и правовая сущность коррупции в обобщенном виде сводится к девиантному поведению, выражающемуся в использовании лицом, обладающим специальным статусом (должностное лицо в публичных отношениях, а равно соответствующие лица в частных отношениях), возложенных на него полномочий и (или) иных «властных» ресурсов вопреки публичным интересам государства, общества, отдельной группы лиц, компании.

Цель такого поведения сводится к извлечению различного рода выгод, приобретению благ, установлению преимуществ [7].

С позиции социологии коррупция представляет собой «социальную болезнь», систему отношений в обществе, характеризующуюся использованием должностных полномочий для неправомерного получения выгоды. Социологический взгляд на коррупцию как форму девиантности способствует обнаружению тех форм социального поведения, модели которых в целом осуждаются обществом.

В политическом смысле коррупция предстает перед нами как фактор, деформирующий политическую организацию общества, подрывающий демократические устои государства и общества. Коррупция с политической точки зрения может квалифицироваться как корыстное использование политико-административного ресурса публичной власти, а также нарушение установленных законодательством выборных политических процедур (форма политической борьбы за власть), и, как следствие, обесценивание и уничтожение конституционных демократических устоев и принципов функционирования публичной власти (установленных, например, статьями 29, 31, 32 Конституции Российской Федерации).

С точки зрения этики и морали, коррупция воспринимается как безнравственное аморальное поведение, нацеленное на личное обогащение или получение иных выгод. В этом контексте коррупция всегда сопряжена с нарушением морально-этических норм и принципов. Она рассматривается как фундаментальная этическая проблема, затаившаяся в природе человека, и не зависящая от специфики государственного устройства.

Важной является и юридическая квалификация коррупции, содержащаяся в том числе в нормативных правовых актах разного уровня, в том числе международного.

В международной правовой доктрине значительное распространение получила дефиниция коррупции, зафиксированная в официальных материалах ООН. Согласно данной концептуализации, коррупция представляет собой неправомерное использование прерогатив публичного управления должностными субъектами, направленное на извлечение частных преимуществ вопреки установленным нормам публичного интереса.

В международном и национальном законодательстве также существует два подхода к определению коррупции, аналогичные используемым в науке. Первый подход – формально-юридический (казуистический), предполагающий определение коррупции посредством простого перечисления составов правонарушений.

Указанный подход фактически применен и в Конвенции ООН против коррупции, статья 26 кото-

рой гласит: «каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией» (например, злоупотребление служебным положением (статья 19), злоупотребление влиянием в корыстных целях (статья 18), подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (статья 15) и другие).

В Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. коррупция определяется как «просьба, предложение, дача или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещание такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещание такового».

Учитывая изложенное, отметим, что сформулированное российским законодателем определение коррупции в целом соответствует международной антикоррупционной практике.

Правовая сущность коррупции двуедина – лицом, находящимся в определенном статусе, с одной стороны, такой статус используется в «продажных» целях (приобретение выгоды, благ и преимуществ (к примеру, денежных средств), с другой стороны – статус используется для предоставления выгоды заинтересованным третьим лицам. Схема коррупционного поведения аналогична сделке купли-продажи, имеющей двусторонний характер – выгода приобретается обеими сторонами отношений.

Незаконное получение преимуществ, благ, льгот, услуг различного характера не всегда будет являться коррупцией, принимая во внимание, что такое получение названных благ, даже незаконное, может быть вовсе не связано со статусом лица-приобретателя. В этой связи справедливо мнение ученых о том, что коррупционным является то деяние, которое совершается специальным субъектом – лицом, имеющим в силу служебных или иных трудовых отношений специальные возможности, в том числе по реализации государственных функций (полномочий) в публичном секторе, принятию стратегических и иных управленческих решений в организациях частного сектора.

Таким образом, коррупция прямо детерминирована служебным положением специального субъекта и *de facto* является «результатом» его противозаконного использования.

Коррупция представляет собой многоуровневый комплекс институциональных взаимодействий, где девиантные акты агентов власти (как

действия, так и бездействие) реализуются в рамках их функциональных полномочий. Подобные поведенческие паттерны системно противоречат нормативным предписаниям и этико-правовым стандартам, будучи мотивированными стремлением к присвоению рентных преимуществ как самим актором, так и аффилированными субъектами (члены семейных кланов, бенефициары неформальных договоренностей).

Коррупция выражается в получении материальных или нематериальных благ: денег, товаров, услуг или привилегий.

Схема коррупционных связей отражает действия должностного лица, но коррупция — это двусторонние отношения. Тот, кто получает «услуги» от должностного лица, также участвует в коррупционных действиях. Он может предоставлять деньги, товары, результаты работ, услуги или «протекцию» для достижения своих целей.

В настоящее время в Федеральном законе № 273-ФЗ не содержится исчерпывающего перечня деяний коррупционной направленности, однако, в названном акте четко отмечаются отдельные основополагающие признаки таких деяний — «(1)использование должностным лицом своего положения (2) вопреки законным интересам общества и государства (3) в целях получения выгоды...для себя или для третьих лиц (4) либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Для целей формирования статистической отчетности Генеральной прокуратурой Российской Федерации и МВД России издано совместное Указание от 17 января 2023 г. № 11/11, которым определены обязательные признаки деяний для отнесения их числу коррупционных:

- 1) наличие надлежащих субъектов преступлений (должностные лица, определяемые в качестве таковых в соответствии с примечанием к статье 285 УК РФ, лица, определяемые в соответствии с примечанием к статье 201 УК РФ);
- 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- 3) корыстный мотив субъекта преступления;
- 4) преступления совершаются только с прямым умыслом.

Учитывая изложенное, полагаем возможным предложить следующую дефиницию коррупции: коррупция — любые противоправные деяния (действия и (или) бездействие), совершаемые физическим лицом (специальным субъектом) вопреки интересам государства и общества с использованием имеющихся у него в силу служебных или иных трудовых правоотношений должностных (служебных) полномочий или занимаемого ука-

занным лицом статусного положения (авторитета) с целью ненадлежащего (противозаконного) получения им (лично или через посредников) или третьими лицами материальных и (или) нематериальных благ и преимуществ, а равно предоставление таких благ специальным (властным) субъектам лицами, заинтересованными в допущении указанными субъектами нарушений установленных правил и порядков осуществления функций (полномочий), для реализации конкретных целей (упрощения реализации).

Коррупция во всем своем обличии выступает в качестве серьезного фактора, подрывающего конституционные основы государственного устройства, в том числе посредством ее использования в различных формах при подготовке государственных переворотов и «цветных» революций.

Основными последствиями существования в обществе и государстве коррупции являются снижение уровня жизни граждан, утрата суверенной государственности, а также разрушение экономических устоев государства, в связи с чем коррупция многими государствами, в том числе Российской Федерацией, признается системной угрозой национальной безопасности, требующей от глав государств и правительств постановки и качественной реализации стратегической задачи по борьбе с указанным явлением.

Список литературы:

- [1] Алексеева, Л. А. К вопросу о правовой неопределенности понятия «коррупции» и ее характерных признаках / Л. А. Алексеева, С. А. Майорова // Юрист-Правоведъ. — 2024. — № 3(110). — С. 7-14 (дата обращения: 20.06.2025);
- [2] Альпидовская М.Л. Экономические основы теневой экономики и коррупции бюрократического аппарата // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 1. С. 136 – 140 (дата обращения: 20.06.2025);
- [3] Джонстон М. Поиск определений: качество политической жизни и проблема коррупции. // Международный журнал социальных наук. 1997. № 17. С. 21-39 (дата обращения: 20.06.2025);
- [4] Закомолдин Р.В., Коррупция в сфере военной службы: состояние и структура // Военно-юридический журнал. 2013. № 8. С. 2 – 6.
- [5] Концепция развития Российского законодательства / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. - Москва : Городец, 2004. - 847 с.; 22 см.; ISBN 5-9584-0062-2 : 1000.
- [6] Коррупциогенные факторы в законодательстве об ответственности за финансово-эконо-

мические правонарушения : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под редакцией Ю. В. Николаевой. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 205 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06908-2 (дата обращения: 20.06.2025);

[7] Максимов В. К. Понятие коррупции в международном и российском праве // Право и безопасность. 2002. № 2 – 3 (дата обращения: 20.06.2025);

[8] Охотский, И. Е. Правовой механизм государственной стратегии противодействия коррупции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Охотский Игорь Евгеньевич, 2015. — 140 с. (дата обращения: 22.06.2025);

[9] Спектор, Е. И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации / Е. И. Спектор // Журнал российского права. — 2015. — № 8(224). — С. 40-46. — DOI 10.12737/12226 (дата обращения: 23.06.2025);

[10] Сувернева, В.А. К вопросу о понятии коррупции // Символ науки. 2020. № 12-2. С.67-70 (дата обращения: 22.06.2025);

[11] Хабриева, Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2012. — № 6(186). — С. 5-17 (дата обращения: 22.06.2025);

[12] Carder-Bresson J. Eléments analyse pour une économie de la corruption // Rev. tics-monde, 1993. № 131. P. 587-589 (дата обращения: 22.06.2025).

Spisok literatury:

[1] Alekseeva, L. A. K voprosu o pravovoj neopredelennosti ponyatiya «korrupcii» i ee kharakternyx priznakax / L. A. Alekseeva, S. A. Majorova // Yurist`-Pravoved`. — 2024. — № 3(110). — С. 7-14 (дата обращения: 20.06.2025);

[2] Al'pidovskaya M.L. E`konomicheskie osnovy` tenevoj e`konomiki i korrupcii byurokraticheskogo apparata // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2008. № 1. С. 136 – 140 (дата обращения: 20.06.2025);

[3] Dzhonston M. Poisk opredelenij: kachestvo politicheskoy zhizni i problema korrupcii. // Mezhdunarodny`j zhurnal social`ny`x nauk. 1997. № 17. С. 21-39 (дата обращения: 20.06.2025);

[4] Zakomoldin R.V., Korrupciya v sfere voennoj sluzhby`: sostoyanie i struktura // Voennno-yuridicheskij zhurnal. 2013. № 8. С. 2 – 6.

[5] Konceptiya razvitiya Rossijskogo zakonodatel`stva / In-t zakonodatel`stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel`stve Ros. Federacii ; pod red. T. Ya. Xabrievoj, Yu. A. Tixomirova, Yu. P. Orlovskogo. - Moskva : Gorodecz, 2004. - 847 s.; 22 sm.; ISBN 5-9584-0062-2 : 1000.

[6] Korrupciogenny`e faktory` v zakonodatel`stve ob otvetstvennosti za finansovo-e`konomicheskie pravonarusheniya : uchebnik dlya bakalavriata, specialiteta i magistratury` / pod redakciej Yu. V. Nikolaevoj. — Moskva : Izdatel`stvo Yurajt, 2025. — 205 s. — (Vy`sshee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-06908-2 (дата обращения: 20.06.2025);

[7] Maksimov V. K. Ponyatie korrupcii v mezhdunarodnom i rossijskom prave // Pravo i bezopasnost`. 2002. № 2 – 3 (дата обращения: 20.06.2025);

[8] Oxotskij, I. E. Pravovoj mexanizm gosudarstvennoj strategii protivodejstviya korrupcii v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovy`e osnovy` : special`nost` 12.00.02 Konstitucionnoe pravo; konstitucionny`j sudebny`j process; municipal`noe pravo : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Oxotskij Igor` Evgen`evich, 2015. — 140 s. (дата обращения: 22.06.2025);

[9] Spektor, E. I. Korrupcionny`e pravonarusheniya: problemny`e voprosy` yuridicheskoy kvalifikacii / E. I. Spektor // Zhurnal rossijskogo prava. — 2015. — № 8(224). — С. 40-46. — DOI 10.12737/12226 (дата обращения: 23.06.2025);

[10] Suverneva, V.A. K voprosu o ponyatii korrupcii // Simvol nauki. 2020. № 12-2. С.67-70 (дата обращения: 22.06.2025);

[11] Xabrieva, T. Ya. Korrupciya i pravo: doktrinal`ny`e podxody` k postanovke problemy` / T. Ya. Xabrieva // Zhurnal rossijskogo prava. — 2012. — № 6(186). — С. 5-17 (дата обращения: 22.06.2025);

[12] Carder-Bresson J. Eléments analyse pour une économie de la corruption // Rev. tics-monde, 1993. № 131. P. 587-589 (дата обращения: 22.06.2025).

